

Он машинально вертел в руках телефон, вспоминая последние дни. Ещё несколько часов назад он был на съёмочной площадке и проживал жизнь Фу Бу, а теперь — с этого момента и навсегда — Фу Бу больше не имел к нему никакого отношения.

Сюй Чжичжэнь поднял глаза и посмотрел на Цянь Хаолэна. Тот был действительно красив — даже слегка женственной красотой, но при этом в нём чувствовалась и мужская стать. Он сидел прямо, и та самая «книжная» аура уже впиталась в его естество, заглушая ту женственность, что читалась в чертах лица.

В душе что-то тихо отпустило. Он верил, что Цянь Хаолэн прекрасно справится с будущим Фу Бу.

Хотя расставаться было тяжело, это всё равно должно было случиться. Он был благодарен этому опыту. Лишь попав на съёмки, он осознал, чем работа на натуре отличается от учебных постановок. Да и театр с кино — совсем разные вещи. Для него, с его скромными познаниями, это стало открытием целого нового мира. Он старался впитать как можно больше за отведённое время: техники съёмки, способы вхождения в роль, методы полного погружения, как быстрее переключаться между эмоциями...

Вспоминая те дни, он словно оглядывался на сон.

А теперь он снова в Пекине. Натурные съёмки завершены, завтра — возвращение в институт, снова учебники, домашние задания, лекции, бесконечные репетиции и сдача работ.

Невероятно.

Он опустил взгляд на тёмный экран телефона и слегка улыбнулся.

Хотя он и не знал, насколько удачно передал юность Фу Бу... но он надеялся, что его старания и любовь к роли не пропали даром. Это была его первая роль, первое полное погружение в персонажа, а также первый опыт совместной работы с Се Бэем. Во всех смыслах это был особенный, уникальный «первый раз».

Сейчас Фу Бу с ним прощался. Он вновь становился Сюй Чжичжэнем. Ту робкую, «книжную» застенчивость предстояло оставить позади. Застенчивый, сдержанный, легко краснеющий, но внутренне стойкий Фу Бу отчасти слился с ним, а отчасти остался в прошлом.

Напротив, в окне, висела полная луна. Должно быть, шла середина месяца — она была невероятно круглой и источала мягкий серебристый свет.

Впрочем...

Он взглянул на Се Бэя. Тот сегодня был удивительно разговорчив — редкостное зрелище. Неужели с близкими он всегда такой? Весь вечер он почти не умолкал, но при этом с ним, Сюй Чжичжэнем, почти не общался.

Дело было не в том, что он чувствовал себя обделённым. Просто... это было немного странно. Чувство недоумения промелькнуло и исчезло. Вникать не хотелось, да и не к чему. Он разблокировал телефон и зашёл в Weibo — посмотреть, что нового.

С другой стороны стола Се Бэй отвел украдкой брошенный на него взгляд и, улыбнувшись, снова обратился к Нань Сюю, продолжая обсуждать, какой набор из новой серии Lego самый интересный.

После ужина они вернулись в отель. До института было далеко, но завтра воскресенье, пар не было, поэтому можно было не спешить. Решили собрать вещи уже утром.

Попрощавшись, Сюй Чжичжэнь, зевнув, отправился в свою комнату, оставив Се Бэя с загадочным выражением лица. Тот постоял в коридоре ещё некоторое время, вздохнул, достал из кармана ключ-карту и вошёл в номер.

Горячая вода хлынула на него, пар быстро заполнил всё пространство ванной. Прозрачное стекло душевой кабины запотело, вентилятор гудел, но его звук тонул в шуме воды.

Се Бэй провёл рукой по лицу, подставив его под струи. Привычным движением он выдавил пенку для умывания, вспенил её, закрыл глаза и несколько минут втирал в кожу. Затем снова подставил лицо под воду, и белая пена смылась, обнажив черты: чёткие брови, миндалевидные глаза, которые в спокойствии казались мягче. Прямой нос с плавными линиями, алые губы слегка сжаты. Вода стекала вниз, омывая изящные ключицы, едва намеченный треугольник торса, скрытую область ниже, и дальше — пока не достигала пола, где, собравшись в маленькие водовороты, тут же утекала в слив.

Закрыв глаза, он всё не мог выбросить из головы дневную сцену.

Было даже смешно — он до сих пор с трудом верил, что у него действительно возник такой порыв. Но факты — вещь упрямая. Это произошло наяву, и отрицать или сомневаться было бессмысленно. Тело ясно дало ему понять: в тот миг это случилось.

А почему — перед лицом такого потрясения вопрос казался уже не столь важным. Или, скорее, у него просто не было времени об этом думать.

В холодном ноябрьском воздухе Пекина он и Сюй Чжичжэнь — или, вернее, Фу Бу — стояли друг напротив друга. Вокруг — старые раскидистые деревья, неподалёку виднелись переулки. Небо было серым, светлым, но безжизненным.

В ледяном ветру Фу Бу плакал.

Его глаза были ясными, слёзы — холодными. Они стекали по худым, почти прозрачным щекам. Взгляд, полный печали, словно заключал в себе целое озеро чистой воды. Уголки глаз покраснели. Он кусал губы — сперва верхнюю, алую, отчего та слегка припухла, потом нижнюю. Его взгляд был пронзительным, исполненным тоски. Он смотрел на него, и одного этого взгляда было достаточно, чтобы вызвать в Се Бэе глухое беспокойство. Он чувствовал себя скованным, не мог пошевелиться, не мог вымолвить ни слова. Оставалось лишь стоять и смотреть, как слёзы падают одна за другой: одни разлетаются на ветру, смачивая щёки, другие стекают вниз, исчезая, вероятно, под воротником.

На нём был чёрный китайский костюм-«чжуншаньчжуан». Не тот, что полагался по сцене, а тот самый, в котором он умер.

Это был эпизод из воспоминаний Ху Хуа после смерти Фу Бу — его тревоги и глубокой скорби, его сон о прошлом. Чтобы передать чувства юности и сожаления, решили, что эту сцену сыграет молодой актёр.

Пока Сюй Чжичжэнь не снял тот костюм, Се Бэй так и не смог ему сказать, как невероятно хорошо он в нём смотрелся.

Не знаю почему, но Сюй Чжичжэнь был невероятно хорош в строгой одежде. Этот

традиционный китайский костюм идеально сидел на нём, подчёркивая все достоинства фигуры и скрывая юношескую хрупкость. Он стоял прямо, безупречно, с алыми губами, будто храня какую-то тайну. Он не произносил ни слова, но это молчание значило больше тысячи слов.

И, возможно, именно из-за этих слёз, или из-за покрасневших глаз, или слегка припухших губ — он словно окаменел, и прямо на площадке у него возникла та самая реакция.

Трудно описать тогдашние чувства: замешательство, растерянность, шок. К счастью, съёмки как раз завершились, режиссёр крикнул: «Стоп!» Поскольку это был крупный план, ассистент быстро накинул на него длинное пальто, скрыв его состояние. Се Бэй застыл на месте. Ассистент, решив, что он просто замёрз, помог ему дойти до складного стула. Сюй Чжичжэнь быстро вышел из роли, подпрыгнул к монитору, посмотрел результат и, довольный, вернулся к Се Бэю:

— Режиссёр сказал, что всё вышло отлично! Даже переснимать не нужно, с первого дубля...

Се Бэй, всё ещё находясь под впечатлением, лишь махнул рукой, не в силах ответить.

Сюй Чжичжэнь не заметил ничего странного и лишь сияюще улыбнулся — улыбка была ярче цветов. Слёзы ещё не высохли, а улыбка уже озаряла всё лицо. Но в глазах Се Бэя он в тот момент казался прекрасным и чистым — словно белый цветок, в котором сочетались красота и невинность.

Посреди суеты съёмочной площадки, с этим неловким воспоминанием, Се Бэй смутно почувствовал, что что-то изменилось.

И на самом деле, что-то действительно изменилось.

По дороге в институт Сюй Чжичжэнь, как обычно, уснул. Се Бэй, который всю ночь ворочался без сна, и в машине не смог сомкнуть глаз. Почти полчаса он сидел как на иголках, и лишь когда Сюй Чжичжэнь окончательно погрузился в сон, ему стало немного легче.

В машине был только водитель. Временные ассистенты уже разъехались. Нянь Нэнцзин уехал ещё на рассвете, чтобы успеть на утренний рейс в Шанхай.

Они заранее предупредили Сюй Хайшуня и Чжэн Чэна. Те привезли сувениры из Сианя и жаловались в общем чате, что задания по сценической речи становятся всё сложнее — они еле выживают, да и работа по наблюдению за персонажами просто убийственна...

<http://bllate.org/book/16272/1464556>